

Слушайте, даже я понимаю, как это нелепо: замечать, что девушка пахнет иначе. Но такое непросто выбросить из головы.

Утром Мики-сан спросила: «Как делишки, малыш?», на что я ответил самой банальной фразой: «Мы... вообще-то одного возраста». Я немедленно пожалел, что не придумал ничего получше. Впрочем, сегодняшний день был из разряда «просто пережить». Затем Мики-сан прошла мимо, и тут я заметил. Запах ее шампуня изменился.

Она сменила бренд? Это странно, я ведь помню, как она говорила, будто ей так нравится тот шампунь, что всегда носит бутылочку с собой. Но, очевидно, я не мог спросить об этом напрямую. Окрестит чудиком, не иначе. А я наслаждался нынешним положением «обычного никто», так что спасибо, не надо.

Ладно, может, и не совсем наслаждался.

Я сел за парту у окна в дальнем углу класса, откуда увидел, как Мики-сан зашла через переднюю дверь и принялась энергично обнимать одноклассницу. Над ее головой появился вопросительный знак.

— Микки, ты другим шампунем воспользовалась? Чего вдруг?

Понятное дело, обнять ее я не мог, но нашел бы способ буднично поинтересоваться о шампуне, как та девушка?.. Нет-нет-нет. Для меня это выйдет боком.

По правде говоря, мне стоит радоваться, что кто-то задал этот вопрос вместо меня.

Я тайком наблюдал, как Мики-сан гнусаво рассмеялась и ответила: «Это секрет!» Над ее головой возник восклицательный знак: она явно обрадовалась вопросу.

В такие моменты я задумываюсь вот над чем. Она использовала другой шампунь, причину замены держала в секрете... но при этом хотела, чтобы кто-то поинтересовался.

Появился парень?

Когда мое настроение резко спикировало вниз, в 08:30 раздался звонок на урок.

□

— Кто-нибудь знает, какая письменность появилась раньше: взньянь или манъегана?

Середина урока древнеяпонского языка. От вопроса учителя у изрядной части учеников над

головами выросли вопросительные знаки. У меня, наверное, вырос тоже, хотя не то чтобы я мог видеть свой знак. И лишь у некоторых появились точки или восклицательные знаки, среди которых один желал привлечь к себе внимание.

— Можно я отвечу?!

Рука Мики-сан взмыла вверх точно стрела. Эти уроки были ее любимыми — она едва сдерживалась все занятие. А вот на математике над ее головой всплывали точки и она постоянно что-то ворчала про себя. Если говорить откровенно, я мог наблюдать за ней весь день и мне это никогда не наскучит... но если застукают, то моей жизни придет конец, потому нужно быть предельно осторожным.

К сожалению, очень тяжело любоваться ее красотой, когда в голове витает теория о «парне», что делает меня еще более жалким.

Уверен, ОН увидит ее со всех сторон, и даже скрытых от остальных.

Когда урок закончился, а я завалился на парту, кто-то сел за пустующее рядом место.

— Чтобы ты знал, нам сказали, что урок английского пройдет в лингафонном кабинете.

— Ясно.

— Ты в порядке? Выглядишь вялым, будто на весь урок отключился.

— Ясно.

— Ты меня слушаешь? Я вопрос задал!

Я поднял взгляд на ухмыляющегося Зуку. Загорелое лицо приятеля сияло так сильно, что мне стало немного любопытно — а не впитал ли он солнце?

— Тебе плохо?

— Нет, просто устал.

— Понятно. Да уж, я тоже.

Он принял мое слабое оправдание не моргнув глазом. Затем вернулся к своей парте и начал готовиться к уроку английского. Я последовал его примеру: схватил тетрадь, учебник и ручку, вышел в коридор и мгновением позже услышал голос друга позади себя:

— Вчера всю ночь не спал, смотрел национальные. Ты как, тоже их смотрел?

— Нет...

— Да будет тебе! Это же представители Японии!

Честно говоря, понятия не имею, говорит он о футболе, бейсболе или еще о чем, потому мало что мог сказать в ответ.

— Здорово, наверное, быть лучшим в Японии.

— А то! — Зука с ухмылкой кивнул. Кризис миновал.

Мы были друзьями, но нас почти ничего не объединяло. Единственное сходство — музыкальный вкус, из-за него и подружились. Но, думается мне, иногда и этого хватает с лихвой.

Зука имел спортивное телосложение, хорошо выглядел и к тому же был выше меня. «Слишком разные», — так, наверное, подумает каждый, кто взглянет на нас. Блин, даже я сомневался, что мы действительно выглядим друзьями.

Ботаны вроде меня — трусы, и мы скорее умрем, нежели нас уличат в копировании крутых ребят. Рядом с ним заслуживал находиться только человек атлетический, с приятным внешним видом и столь же веселый и добрый, как он сам. Если кого и выбирать с такими параметрами из нашего класса, то это, вероятно, будет...

— Эй, Зука! Заметил, что во мне изменилось?

К нему подбежала Мики-сан.

— Что? Блин, да не знаю я. А ты что думаешь? — спросил он меня.

Очевидно, я не мог сказать про шампунь, но в голову не приходил ответ, который бы понравился Мики-сан, поэтому я лишь равнодушно пожал плечами.

— Вот видишь, Микки. Парни и не заметят, если девчонки подрежут волосы на полсантиметра или еще что придумают.

Когда Зука вел себя дерзко, Мики-сан театрально моргала и заливалась смехом. Но сегодня все иначе: над ее головой вспыхнули точки. Одна и та же пунктуация у разных людей обозначала разные эмоции, но у нее точки означали раздражение.

— С таким-то отношением неудивительно, что семпай отшила тебя.

Уф.

Бросив эти слова, Мики-сан умчалась в бешенстве. Следует сказать, что бывшая девушка Зуки порвала с ним на днях. Он утверждал, что у них просто разные музыкальные вкусы, но здесь явно крылось что-то еще. Хотя не то чтобы он сокрушался из-за расставания, вот и я решил не переживать.

— Блин, жестоко вышло, — усмехнулся он, словно это была лишь забавная игра. Над ним плыла одна-единственная точка — доказательство, что он не воспринял слова Мики-сан близко к сердцу.

В приятно обдуваемом лингафонном кабинете мы с Зукой разделились. Рассадка была той же, что и в обычном классе, отличались только парты — они были длинными, за такую могли усесться по два человека. Перед каждым столом располагался монитор, где отображалась курсовая работа.

Урок мы начали с заученного английского приветствия, а когда убедились, что все в классе «хорошо себя чувствуют, спасибо», настала пора сосредоточиться на мониторе для отработки аудирования. Поскольку монитор необходимо делить с соседом, возникала неудобная — и действующая на нервы неудачников вроде меня — близость с посторонним человеком. Но я на этот счет уже не волновался и монитор делил только сам с собой. В нашем классе было нечетное количество учеников, и именно я сидел в одиночестве.

Одна наша одноклассница, Миязато-сан, не появлялась в школе с золотой недели* около двух месяцев. Насколько я знаю, среди нас нет задир или школьных бандитов, так что причина должна быть не в них.

□

[П/П: черед праздников в конце апреля — начале мая.]

□

В это трудно поверить, но Миязато-сан — еще более закрытый человек, чем я. Такая тихая и скромная девочка, единственное хобби которой — чистка вещей. Может, с ней произошло что-то неловкое? Мы просидели вместе один месяц нынешнего второго года обучения, и я постоянно переживал, что она не появляется из-за меня. Боялся, что напугал ее, но выяснить правду никак не мог.

Если уж сам ничего не проясню, то мог бы попросить Зуку разведать обстановку, но... честно говоря, у меня есть повод считать, что дело во мне. Страшно подумать, что она не появляется

уже два месяца из-за того разговора.

Я общался и с другими девушками помимо Мики-сан и уверен, что успел подружиться с Миязато-сан. Потому имел полное право волноваться за нее. Но я же жалкий неудачник, чем больше думаю о ком-то, тем трусливее становлюсь. Мне очень тяжело произнести нужные слова.

Мики-сан, напротив, была потрясающей. В начале первого года обучения она печально прославилась тем, что запала на одного семпая и всячески ему угождала: меняла шампунь, обувь и даже одежду в соответствии с его вкусами. Как она вообще узнавала о том, что ему нравится? Сам не знаю. К сожалению, ее одержимость настолько испугала парня, что он отказал ей. Тем не менее я частенько желаю, чтобы она поделилась со мной хотя бы частью энергии. Но не хотелось преуменьшать ее очарование, так что...

— Кстати, я тут еще раз подумал кое о чем. Одолжил бы ты мне свое агрессивное поведение с девушками.

— Еще раз? Не припомню первого раза!

Конечно, он не знал о моих чувствах к Мики-сан. Я никому о них не рассказывал и не собираюсь.

— Итак, если Миязато-сан и дальше будет пропускать уроки, то может остаться на второй год, правильно?

— Каким образом ты связал этот вывод и мое так называемое «агрессивное поведение» с девушками? Я ведь совсем не агрессивный! Да, будет здорово, если Миязато выпустится вместе с нами, но... скоро у нее могут возникнуть проблемы.

В такие моменты я ценил в нем честность.

□

За английским следовал урок биологии. Затем, после обеда, мы улеглись на пол пустого музыкального кабинета с работающим на полную кондиционером и уставились в потолок.

— Если она не хочет ходить в школу, будет непросто вынудить ее. Уже прошло столько времени. Это как с клубами, легче забить, чем просить прощения.

— Ясно.

— Но я скажу тебе вот что. Досадно, когда люди так исчезают. Мне порой хочется, чтобы она

открылась и поговорила с нами о случившемся. С другой стороны, не представляю, сможем ли мы решить ее проблемы. Ненавижу эту беспомощность.

Было кое-что общее у него и Мики-сан. Острое чувство ответственности. Вот что я имел в виду под «агрессивностью». Они пройдут лишний километр и сделают что-то, неважно, касается это их или нет. Сделают, потому что волнуются. Черта характера, которую мне бы хотелось иметь.

Но у меня ее не было, потому я пробормотал: «Ага» и продолжал смотреть в потолок.

— Что вы тут делаете?

Вдруг я услышал шаги. Идеальный пресс Зуки с шестью кубиками напрягся, когда он приподнялся.

— Здравов, Психичка.

Теперь понятно, кто пожаловал. Я тоже привстал и начал слушать их болтовню. Как только они закончили, Зука встал на ноги и взглянул на меня. Я последовал его примеру и тоже встал.

— Ты хочешь как-то помочь Миязато? Поэтому попросил одолжить «агрессивное поведение»? И вовсе оно не агрессивное, знаешь ли!

Он всегда был открытым человеком, а пунктуация полностью совпадала с настроем. Сейчас над головой у него висел вопросительный знак.

— Нет, не совсем. Да и моя напористость вряд ли поможет вернуть ее в школу.

— Ага, точно. По правде говоря, ты сейчас как раз на своем месте. Думаю, именно с такими людьми Миязато предпочла бы сидеть рядом. Понимаешь, каждый в чем-то силен. Слышал про сказку «Ветер и Солнце»? Так вот, ты Солнце.

Судя по знакам над головой, он не шутил.

— И нет, я не Ветер.

Затем он рассмеялся и хлопнул меня по спине. Многовато силы вложил, надо сказать. Но я знал, что он не со зла.

Мне очень повезло с двумя солнцами, что освещают мою пустую жизнь. Может, поэтому так остро ощущается отсутствие Миязато-сан.

Но как оказалось, я не знал и половины всей правды.

□

На следующий день произошло еще нечто более важное, чем пропажа Миязато-сан, с исчезновением которой пустующее место рядом со мной превратилось в ничего не значащий фон.

Я прошел мимо Мики-сан и подметил: она вернулась к старому шампуню. Что бы это могло значить? Хотя бы то, что она не избавилась от него после покупки нового. Получается, вчера она заняла его у кого-то? Может, провела ночь у друга. Но раз так, почему просто не сказать об этом, а не отшучиваться словами «это секрет»? И почему тогда она так обрадовалась, когда кто-то заметил смену шампуня?

Я вновь почувствовал себя идиотом.

Но даже в то время я, наверное, мог бы убедить себя, что у Мики-сан есть причины сменить шампунь... если бы только это не продолжилось и дальше. На следующей неделе я снова унюхал другой шампунь. И восклицательный знак над ее головой сигнализировал об исключительно хорошем настроении. Здесь могло быть только одно объяснение.

Не буду вдаваться в подробности, но этот новый шампунь под брендом «Бельен» считался очень популярным у крутых ребят средней школы. Словно перед тобой висел огромный плакат «Я ВСТРЕЧАЮСЬ ТОЛЬКО С КРУТЫМИ ПАРНЯМИ, А НЕ НЕУДАЧНИКАМИ!» Конечно, я вогнал себя в еще большую депрессию. Рассчитывать-то мне не на что.

Будь у меня хоть капля смелости, я бы мог высказаться, когда она в очередной раз спросила Зуку. Он тогда ответил: «Вес набрала», за что получил удар в живот, но ведь я мог небрежно упомянуть про новый шампунь. Мне не хватило решимости, да и вряд ли когда-нибудь хватит.

Вместо этого я, как полный неудачник, за всю неделю лишь раз переговорил с Мики-сан. У нас вышел небольшой, странный и совсем несвязный разговор:

— Доброго утречка! Не забывай принимать витамины. Вряд ли захочешь простудиться летом.

— Эм, ага. Спасибо.

Совершенно не представляю, зачем она дала этот спонтанный совет. Хотя наступил очередной день «Бельен», так что, может, когда Мики-сан в хорошем настроении, ей нравится так проявлять заботу.

Затем то же самое произошло уже в третий раз. Она использовала шампунь «Бельен» в трех разных обстоятельствах. И снова попыталась подлизаться к Зуке, но он ничего не замечал, а я

сказать не мог. А тем временем до промежуточных тестов оставалось всего две недели... но мне никак не удавалось сесть за учебу.

Наверное, стоило отгородиться от всего и сказать: «Так, завтра начну». Но с того дня Мики-сан пользовалась «Бельен» все чаще и чаще. Между первым и вторым разом была разница в целую неделю, а вот между вторым и третьим уже пять дней. Четвертый случился всего через три дня, в прошлый четверг. Пятый — в воскресенье; я случайно встретил Мики-сан у магазина на углу, недалеко от своего дома. Затем снова в четверг, а после еще раз в пятницу — два дня подряд. Казалось, я наблюдаю за тем, как она сближается с парнем. В конце концов, я был так подавлен, что вряд ли смог бы сдать промежуточные.

— Что с тобой? У тебя все хорошо?

— Ага, все просто отлично.

Зука ни разу даже близко не подошел к разгадке с шампунем. При каждом использовании «Бельен» Мики-сан подходила к нему и спрашивала снова и снова: «Что-то во мне изменилось, да? Ты же заметил? Просто скажи “да”!» И сегодня, в пятницу, он ответил: «Твоя обувь на соплях держится».

Так-то он был прав — на одном кроссовке имелась большая дыра, но, как она объяснила, это сделано намеренно, чтобы показать «милые носочки». Только рассчитывала она на другой ответ, и настроение ее испортилось.

По правде говоря, вряд ли можно уловить запах шампуня, не приблизившись к человеку как следует... или если не обращаешь на такие вещи внимания... или если сам запах не имеет для тебя какого-либо значения. Но как бы мне ни хотелось постоять за друга, не было у меня столько смелости, чтобы прямо высказать все Мики-сан, поэтому сообщил Зуке. Может быть, он перестанет наконец вгонять ее в тоску.

— Ух, ты вообще перестала зависать с нами! Нашла себе любовничка?

— Ха-ха!

В эту пятницу мы прошли мимо Мики-сан, разговаривавшей с друзьями в коридоре, и тогда я обратился к Зуке:

— Как думаешь, Мики-сан в последнее время не изменилась?

— Черт ее знает. Она ненормальная. Ожидает, наверное, чтобы я прочитал ее мысли и понял, какая у нее новая забава.

Они с Мики-сан ходили в одну группу по легкой атлетике, так что Зука не утруждался выбором

слов.

— Это уже слишком даже для нее, — сказал я. — Может, новый парфюм использует или что-то вроде того.

— Если подумать, я заметил, что от нее действительно пахнет другим шампунем. Но зачем нам-то об этом давать знать?

Над моей головой, должно быть, вспыхнул восклицательный знак, ведь я и представить не мог, что он все-таки заметит аромат шампуня. Но Зука оценил мое удивление по-своему:

— Расслабься! Я не тех чудиков, что обнюхивают девушек!

Его слова ранили подобно пулям в сердце.

— Я просто учуял запах, когда она мимо проходила, вот и все. Вообще-то... этот аромат напоминает тот шампунь в душевых кабинках еще в средней школе. Помнишь? «Бельен», кажется.

Я помнил, еще как. Только крутым ребятам хватало смелости пользоваться чем-то настолько убойным.

— Знаешь, я жалею, что сам этой фигней пользовался. Из-за девчачьего лица люди начали считать меня девчонкой. Я не хочу сказать, что от него дурно пахнет, и понимаю, почему она желает прогуляться по воспоминаниям, но... зачем меня доставать? У нее точно не все гайки в голове закручены, говорю тебе.

В каком-то роде он прав. Ни один нормальный человек не станет подбегать к другу, с которым его связывают платонические отношения, и ждать, что он заметит запах шампуня. Но для себя я подтвердил две вещи: во-первых, я не знаю, что еще в ней могло измениться; во-вторых, она действительно сменила шампунь. Ничего из этого ситуацию не разрешало. Я даже не понимаю, какое решение должно быть.

С болью в животе я впустую провел последние выходные перед промежуточными.

□

Понедельник — первый день недели тестов. Каждый в той или иной мере готовился к ним, и сам я определенно должен сделать все возможное, чтобы не ударить в грязь лицом, но Миксан до сих пор пахла шампунем «Бельен», а первым уроком был самый нелюбимый предмет (биология), поэтому скажу лишь, что начало вышло вовсе не таким уж замечательным. После второго урока я был готов рухнуть на месте. Из-за чего, конечно, Зука снова проведаль меня.

— Знаешь, я вроде держусь. Любой бы замертво упал, если бы пришлось сдавать два теста подряд по самым худшим предметам.

— Это точно. А следующей будет математика, нам конец. Ой, и Микки тоже, — бесцеремонно упомянул ее Зука, когда она прошла мимо.

Я ожидал, что Мики-сан набросится на него, а над головой вспыхнет определенная пунктуация, но вместо этого она моргнула, ухмыльнулась и ушла к подругам.

— Привет, Психичка!

Психичка — не настоящее имя девушки, а прозвище, сокращение от «психованная». И раз Мики-сан без колебаний обращалась к человеку по этому прозвищу, у нее, как всегда говорит Зука, и правда не все гайки в голове закручены. По моему мнению, это своего рода доказательство ее уникальности и предприимчивости, но, судя по всему, не мне одному нравится эта сторона... Впрочем, поезд мыслей ничуть не поможет разобраться с тестом по математике.

Перед звонком в класс вошел учитель и мы сели за парты. Одна пустовала — прямо рядом со мной. Я вскользь задался вопросом об успеваемости Миязато-сан. Если она останется на второй год, не будет ли ей сложнее вернуться в школу? Решит забросить? Какое будущее тогда ее ждет? Я считал ее просто девушкой за партой рядом, и все же в груди кольнуло. Ладно, может, она была мне кем-то большим.

Пустые листы для теста передавались от передних рядов к задним. Звонок прозвенел как раз тогда, когда я почти затерялся в мыслях.

И пары минут не прошло, прежде чем я понял, почему Мики-сан ухмыльнулась нам.

Когда весь класс изрешетили вопросительные знаки, исчезающие и появляющиеся точки, я удивился восклицательным знакам над ее головой — их было так много, что они перебивали всю остальную пунктуацию. Я озадаченно наблюдал за ней, и вдруг она победно подняла обе руки. Естественно, учитель сделал ей замечание.

Я знал, Мики-сан ужасна в математике, потому она, должно быть, усердно занималась. Может, еще и правильно угадала, какие вопросы встретятся на тесте. Эта уверенность объясняла ухмылку.

От ее счастья я тоже почувствовал прилив сил. Но не мог смотреть на нее весь день напролет. У меня есть еще кое-что, требующее внимания... Отметки за тест, например.

Уничтожен — лучшее описание того, что произошло. Уничтожен, разгромлен, разорван на части. Все знания и концентрация, которые я вроде бы накопил за время учебы, ускользнули сквозь пальцы подобно песку. Я все пытался сосредоточиться на задаче, а мозг интересовало, проводил ли парень Мики-сан с ней что-то вроде частных занятий. И как только мозг зацепился за самое ужасное, он мучил меня вплоть до четвертого урока.

Это очень серьезная проблема. Как бы меня ни заботила Мики-сан, я не мог позволить мыслям повлиять на учебу, иначе придется сдавать тот же тест уже в следующем году — вместе с Миязато-сан.

В обычное время я бы наблюдал за тем, как Зука обувает идеально отполированные кроссовки — хотите верьте, хотите нет, но он тот еще чистюля — и идет в сторону клуба легкой атлетики, пока я собираю вещи, чтобы пойти домой. Сегодня, однако, меня занимали... всякие мысли, но по большей части я переживал об успеваемости. Из-за чего решил остаться и сходить в школьную библиотеку для дополнительного изучения материала.

Я пришел в опустевший зал и сел за четырехместный стол у окна с видом на стадион. Спортивные команды на время промежуточных тестов не планировали занятий, и тем не менее десятки учеников, включая Зуку, бежали по кругу. Упражнение, наверное, поднимало им настроение и помогало очистить разум после нервотрешки с тестами. Я наблюдал, как над их головами один за другим вспыхивают восклицательные знаки.

Ну а я решил взяться за учебу. Ключевое слово — решил. К сожалению, как только концентрация сбивается, ее невероятно сложно восстановить. Знаете, прямо как доверие... наверное. В итоге все отведенное время я запоминал важные слова из английского словаря, прерывался на туалет и наблюдал, как Зука наматывает круги. А потом я понял, что задремал.

Конечно, осознание пришло уже после пробуждения, но вы, скорее всего, сами все поняли. Я открыл глаза, заметил, как прилег на стол, и подумал: «Ох, вот же ж». Робко поднял голову. Конечно, в библиотеке стояла мертвая тишина, и я с облегчением выдохнул и снова вдохнул.

Но с вдохом пришел знакомый аромат. Я почувствовал чье-то присутствие — а может, это было дыхание или тепло тела — и посмотрел на место рядом.

— Воу! — вскрикнул я, совсем позабыв, где нахожусь.

Видимо, мой голос разбудил ее — по крайней мере, думаю, что разбудил, ведь она точно также завалилась на стол, как и я мгновением назад, а значит она уснула, верно? Как бы то ни было, она подняла голову и взглянула на меня. Я озадаченно уставился в ответ.

— Привет.

И только?!

От мысли, что я ненамеренно уснул рядом с Мики-сан, мое лицо загорелось точно печь. Девушка принялась протирать глаза.

— Блин, спать хочется...

— Ч-что ты здесь делаешь?

— А? Ох, точно. Хочу кое-что сказать тебе.

И ЧТО же?

Пока я терзал себя, увидел над ее головой точки. Она посмотрела вперед и украдкой бросила на меня взгляд.

— У меня сообщение для Зуки... то есть для Озуки-куна: «Будешь и дальше так себя вести, прогонишь вообще всех девушек».

К чему это послание? Впрочем, мне оставалось только кивнуть.

— Конечно, я... передам?..

— Ну, тогда увидимся!

Услышав подтверждение, Мики-сан подпрыгнула и убежала.

— Сумасшедшая... — невольно пробормотал я.

Этой ночью я так и не сомкнул глаз. Голову занимали мысли о шампуне и новой обуви, которая уходила от меня все дальше и дальше.

□

Не знаю, перезагрузил ли вчерашний день мою систему или нет, но во вторник тесты прошли гораздо лучше. На первом уроке одним из вопросов попался тот, где требовалось указать, какая письменность появилась раньше, и я хорошенько запомнил этот вопрос, ведь на него однажды ответила Мики-сан. Тест же по английскому по большей части проверял понимание прочитанного, и меньше всего в нем спрашивалась лексика (в которой я плох), потому, уверен, и его хорошо написал.

Но сколько бы заданий я ни выполнил, мне все еще не под силу разгадать вчерашнее поведение Мики-сан. Этим утром она казалась в более хорошем расположении духа, судя по

тому, как с улыбкой поприветствовала меня. Но затем она спросила: «How are you?» (как у тебя дела?), на что я ответил скучнейшим ответом, какой только можно было придумать: «I'm fine, thank you» (хорошо, спасибо). Ее улыбка запутала еще сильнее.

И вновь я ощутил запах «Бельен», из-за чего задался вопросом: не надоумил ли ее парень на этот шампунь. Надо ли говорить, что я снова впал в уныние. И надо ли говорить, что затем ко мне подошел Зука, ведь он — хороший парень.

— Ты точно в порядке? Бессонница одолела?

— Ага, учился всю ночь напролет. Гордишься мной? — солгал я, когда мы после уроков пришли в столовую, чтобы подкрепиться.

— Еще как! Я вот сразу спать пошел! — рассмеялся он.

Зука — человек откровенный, потому можно не переживать, что он вскроет мою ложь.

— Слушай, вчера что-то произошло между тобой и Мики-сан?

— Микки? А что с ней?

— Да так, встретились по дороге домой, и она вела себя очень странно.

— Она всегда такая. Знаешь же, сегодня снова донимала меня тем вопросом. Черт, плевать мне, есть в ней перемены или нет!

Он снова рассмеялся.

— Нет, я имею в виду... она казалась взбешенной.

Я деликатно опустил ту часть, где нахожу ее спящей рядом.

— Правда? На твоем месте я бы все равно не переживал. У нее гайки в голове не закручены.

— Д-да, но...

Надо признать, это не самый приятный разговор о друге.

Зука никогда не выбирал слова, когда речь заходила о Мики-сан. Это своего рода доказательство устоявшегося за годы знакомства доверия, которому я завидовал. С одной

стороны, я ценил в нем отсутствие интереса к другу, но сегодня надеялся получить любую подсказку для решения ситуации. Вот как сильно повлияла на меня Мики-сан.

И все же это было моим падением, и я по глупости давил дальше.

— Вообще-то она всегда такая добродушная и веселая, так что я немного переживаю.

— Да ну? Если спросишь мое мнение, то она, блин, только и делает, что кричит да ревет. Однажды в средней школе пнула меня просто так!

— Вау, хотелось бы это увидеть. То есть, эм... может, она поругалась с парнем?

— Черт, да ты прямо святоша! Но так, для справки, у Микки нет парня.

— Чего?!

Я вздрогнул; стул повалился на пол, голос поднялся на добрую октаву. Жаль, я не мог видеть свою пунктуацию — там наверняка появились восклицательные знаки размером со школу. Но потрясение длилось недолго, и меня охватило теплое, неопишное чувство. По всей видимости, тело и разум связаны на более глубоком уровне. Кожу начало покалывать, как в те моменты, когда все переживания испаряются. Я выдохнул. Слава Богу.

Но пусть сейчас у нее не было парня, рано или поздно появится — или, возможно, был раньше. Да, у нее нет парня — сейчас — и я не особо верил, что это мой шанс. Но все равно... какое облегчение.

Теплое чувство постепенно исчезло, и я вспомнил, что напротив меня кое-кто сидит. Можно представить, какое у меня было выражение лица в тот миг, ведь Зука широко распахнул глаза, словно смотрел на животное в зоопарке. Над его головой поплыли вопросительные знаки.

И лишь когда они превратились в восклицательные знаки и точки, я понял, какую ошибку совершил. Нет, это не преувеличение. Однако медленно, но верно его удивление сменилось улыбкой, которая становилась с каждой секундой все шире и шире, пока не выросла в ухмылку от уха до уха.

Вот черт.

— 3-зук?

— Братан... чувак... чувак! Бро!

Видимо, Зука обратился в типичного бро-чувака, словарный запас которого ограничивался лишь бро и чувак. Он настиг меня своими длинными ручищами и хлопнул по плечам. Выглядел при этом Зука настолько счастливым, будто узнал, что односторонняя любовь оказалась взаимной.

Если бы он насмеялся или же принялся дразнить, я бы еще мог попытаться отмахнуться. Но вместо этого он принял новость с энтузиазмом, которому я уже не мог противостоять. Хотя подтверждать домыслы все равно не планировал.

— Чувак... вау. Вау, чувак!

Над головой бро-чувак-обратился-вау-чуваком развернулась самая настоящая гора точек и восклицательных знаков — ликование и принятие, нагроможденные друг на друга.

— Чувак, послушай. Мне Психичка рассказала, что у Микки нет парня. Она, видимо, подумала о том же и расспросила ее, но та все отрицала. Ха-ха, сенсация на подходе, Микки! Можешь сколь угодно издеваться надо мной из-за бывшей, но еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Пришлось подкупить Психичку мороженым, чтобы вытянуть из нее всю информацию.

Зука вернулся к образу землянина и начал со смехом объяснять то, о чем я не просил.

— Жаль только, что это того не стоило.

— А я и не возражаю! Для тебя это будет стоить целую сотню мороженого, ага?

Он игриво ухмыльнулся, и я едва в обморок не свалился, хотя сам был парнем.

Теперь, когда Зука узнал о моих чувствах, у меня сложилось впечатление, что он станет полезным информатором. А вот был бы я рад услышать эту самую информацию — уже другая история.

— Привет, ребята. Озука-кун, у тебя на щеке остался зеленый лук. Знаешь, вы двое хорошо смотрите.

— Спасибо, Психичка! Но если не понимаешь нашу мужскую дружбу, просто свали!

С этого мига Зука улыбался — и когда общался с одноклассниками, и даже когда ел мороженое. Я видел эту улыбку, и та сама собой разыграла у меня губы.

Перекус окончился, и моя голова была готова взорваться от стыда после того, как Зука узнал про мои чувства к Мики-сан. Я сказал, что иду заниматься в библиотеку, понимая, что он

пойдет наматывать очередные круги по стадиону. Конечно, так и оказалось. На душе было немного скверно, что я его бросаю, но мне нужно время, чтобы привести мысли в порядок.

И поэтому наши с Зукой и его извечной улыбкой пути разошлись. Я направился в библиотеку, как и вчера. Но как только остался один, на меня разом нахлынуло смущение... из-за чего я потратил все время не на учебу, а на мысленные крики. И все же покалывающее чувство нельзя назвать неприятным, а мозг после бессонницы погрузился во мрак...

Вновь я проснулся перед закрытием библиотеки. Хотя время однозначно было потрачено впустую, я чувствовал себя так, словно чего-то добился. Это продолжалось ровно до тех пор, пока по дороге домой я не сообразил: ни одна из загадок так и не решена. Зачем Мики-сан меняла шампунь? И почему она ругалась из-за этого с Зукой?

По-видимому, вчера в школу наведывалась Миязато-сан. Все в классе обсуждали ее возвращение. Я испытал облегчение, когда услышал, что она пришла сдавать промежуточные тесты, пусть и в другом кабинете. Что же до Зуки, то он со вчерашнего дня пребывал в хорошем настроении. Мики-сан, напротив, выглядела совсем несчастной. Просто плохой день? Одноклассники пригласили ее поесть мороженое после школы, но она им ни слова не сказала. У нее над головой то и дело вспыхивали точки.

Я не был настолько глуп, чтобы приближаться к девушке в явно плохом настроении, потому планировал весь день провести в тени впечатляющего роста Зуки. Но она подошла со своим вопросом вновь, как по расписанию:

— Зука, ты обо мне спрашивал некоторое время назад?

— Нет, еще чего! — категорически воскликнул он.

Может, это из-за вчерашнего случая. Она уставилась на него, а затем и на меня. Я поспешно отвел взгляд, на что Зука лишь рассмеялся.

Зачем она продолжает расспрашивать его? Никто из нас даже не догадывался о причине, так что намеки пропускались мимо ушей. Безопасно ли будет спросить ее про шампунь, ну хотя бы разочек?

Нет-нет-нет. Точно говорю, в ее глазах я покажусь чудиком. Помните, что случилось в прошлый раз?

В результате ее плохое настроение сохранилось вплоть до последнего теста. Я наблюдал, как одноклассники неуверенно один за другим подходили к ней, а она лишь отмахивалась. Я же впервые за черт знает сколько времени благодарен своей силе видеть пунктуацию.

Мы окончили четвертый тест за день, что ознаменовало конец промежуточной недельной

аттестации. Со звонком я буквально почувствовал, как удушающий воздух улетучился из класса. Над головами ребят появились восклицательные знаки и точки, и я также испытал облегчение. Конечно, на следующей неделе все равно ожидаются дополнительные занятия, так что о начале летних каникул говорить не приходилось. Но они как бонусные треки — никто не ожидает, что вы прослушаете их. Эти занятия оказывали столь малое давление, что даже Миязато-сан, наверное, чувствовала бы себя на них расслабленно.

Размышляя о том о сем, мы закончили уборку класса в мгновение ока, а затем нас ожидал классный час. Учителям требовалось время на проверку всех тестов, поэтому вместе с выходными у нас появились четырехдневные мини-каникулы.

— Я во всю буду заниматься в клубе... А ты сразу домой?

— Ясно. Да, думал зайти в музыкальный магазин и посмотреть, продают ли там новый альбом раньше релиза.

— Удачи! Если купишь, обязательно дай послушать.

После типичного разговора подростков мы разделились и я ушел из школы, даже словом не перекинувшись с угрюмой Мики-сан. Или с Миязато-сан, если она вообще приходила.

Дома я переоделся в футболку и джинсы, затем где-то двадцать минут шел до музыкального магазина с книжным отделом. Может, кто-то из клиентов пожаловался на излишнюю жару, и внутри на полную работал кондиционер. Причем настолько сильно, что в помещении можно было окоченеть. Даже продавцу пришлось надеть худи, и судя по мелькавшим точкам над головой, он явно был этим недоволен.

Я краем глаза просмотрел полку с книгами, а затем направился на второй этаж с дисками. Конечно, после небольших поисков я нашел что искал. Собрался идти к кассе, но терпеть не было сил: схватил наушники и включил семпл для ознакомления. Музыка — вот что связывало нас с Зукой.

Мы стали друзьями в начале первого года, когда из-за случайного порядка рассадки оказались рядом друг с другом. Однажды он заметил, как у меня из кармана торчали наушники, и со своей фирменной улыбкой спросил, что я слушаю. Высокий и загорелый — он во всем отличался от меня... но благодаря его улыбке я понял, что мне совсем не страшно.

Если подумать, это довольно странно, что любимая группа послужила катализатором нашей дружбы. Но затем я вспоминаю, как он словно упивался нашим мальчишеским, несложным взаимопониманием, и не могу сдержать улыбку... Тут я заметил, что на меня смотрит какая-то женщина в деловом костюме, над головой у нее — знак вопроса. Когда наши взгляды пересеклись, знак превратился в восклицательный и она отвернулась.

Ух, убейте меня.

Я прослушал три трека, положил наушники обратно на стойку и взял диск. Но когда направился на кассу, резко остановился. По другую сторону полки я услышал знакомый голос.

Полка была выше меня, так что я не мог разглядеть их лица, но разговор слышал четко и ясно... А еще в воздухе витал вопросительный знак.

Подслушивая их, я понял: это девушки из нашего класса. Одна из них — Курода-сан, или, как ее называют, Психичка, но я обращаюсь к ней по настоящему имени. Без особой причины, просто делаю так со всеми, кроме Зуки. Кстати, Психичка также обращается к другим по их настоящим именам. Даже к близким людям вроде того же Зуки и Мики-сан.

Честно говоря, прятаться мне незачем. Я не настолько замкнутый и неловкий человек. Мог просто пройти мимо и поприветствовать их, особенно общительную Психичку, которая была милой ко всем. Но меня приковал к месту их разговор.

— Что с Микки в последнее время? — спросила другая девушка.

Над головой Психички появился восклицательный знак, и она хихикнула:

— Держу пари, ты думаешь, что у Мики-чан парень появился, да? Ну, ответ «нет».

— Тогда что с ней?

Над головой Психички вспыхнул ворох восклицательных знаков.

— Хе-хе! Это сверхсекретная информация. Сможешь держать ее в тайне?

— Хм-м-м... Я могла бы и проболтаться, подкупи меня тремя пинтами Häagen-Dazs*.

□

[П/П: американский бренд мороженого]

□

— Значит, я могу тебе довериться!

«Все подружки Мики-сан такие чудачки?» — гадал я, подслушивая «сверхсекретную» информацию. Знаю, так делать нехорошо, но тело отказывалось двигаться с места. Думаю, вы можете сказать, что винить мне, кроме себя самого, некого.

— Тут вот какое дело... — продолжила Психичка, не удосужившись даже понизить голос.

— Да?

— Мики-чан интересуется Озука-куном.

Ох ты.

Эту фамилию я ожидал услышать. Пришлось удержаться, чтобы колени не подкосились. Тем временем над головой другой девушки появился огромный восклицательный знак.

— Правда? Как круто! Они бы миленько смотрелись вместе! Погоди... Поэтому она постоянно подходит к нему?

— Ага! Хотя сама не знаю, о чем именно они говорят.

Я все понял. Теперь поведение Мики-сан стало объяснимым. Поэтому она каждый день завязывала с нами разговор. Пыталась распространить аромат «Бельен», поскольку считала, что Зуке он нравится, и раздражалась всякий раз, когда это не срабатывало.

Теперь я понимал и смысл ее сообщения в библиотеке, и причину смены обуви после того, как Зука назвал ее прошлую пару изношенной.

Казалось, я хожу по лезвию ножа. Поэтому даже не стал покупать диск, а пулей вылетел из магазина.

Прости, Зука, но я этого не вынесу.

Я не настолько глуп, будто рассчитываю на какие-то реальные шансы, но все равно... В сознании всплыла его счастливая улыбка. Как мне донести до него эту новость?

Сомневаюсь, что мороженого хватит для такого.

Несмотря на окончание экзаменационной недели, после дня откровения я не мог нормально спать следующие три ночи.

□

Наступило воскресенье, последний день четырехдневных выходных, а я все еще не выяснил, как собираюсь смотреть в глаза Мики-сан или Зуке. Я даже не стал отвечать на его сообщение и вместо этого продолжал лежать на кровати. Что, если просто вывалить ему услышанное? Что

он скажет?

Я удалил черновик с ответом и закрыл глаза. Представил яркую улыбку Мики-сан... аромат «Бельен»... чистую белую обувь... Разум не переставал агонизировать. Но одни лишь мысли о ней не решат ситуацию — нужно действовать. Да, на заключение у меня ушло целых три дня.

Я оделся, вышел на улицу и перешел к выполнению списка дел на сегодня. Ноги несли меня обратно к музыкальному магазину с книжным отделом. Настроение было не для прослушивания музыки, конечно, к тому же Зука за это время сам мог купить диск, но ничего другого в голову не приходило.

К счастью, Мики-сан никогда сюда не заглядывала, а Зука, должно быть, сейчас занят в клубе. В городе было два места, где продавались музыкальные диски: один на востоке, другой на западе. Мики-сан жила на восточной стороне, а Психичка, Зука, Миязато-сан и я — на западной. Обычно все ходили в самый ближний, так что нет никаких шансов, что кто-то вместо восточного пройдет весь путь до западного. Во всяком случае, так я думал.

А потом вспомнил, как столкнулся с ней возле ближайшего ко мне магазина, и сложил два и два.

Помяни черта, как говорится.

Автоматические двери распахнулись, и навстречу мне вместе с порывами холодного ветра вышел человек.

— Ч-ч-что!

Мики-сан подпрыгнула, над головой у нее появился восклицательный знак. Она держала пакет из книжного магазина королевского синего цвета. Ситуация так сильно сбила меня с общего ритма, что язык стал заплетаться и я промычал:

— Доброе, э, д-д-доброго у-утречка...

— Ха-ха! Что не так? Напугала?

Сказала та, кто едва из кожи не выпрыгнула.

Но она забыла о собственном удивлении и поддразнила меня, завершив все фирменным гнусавым смехом.

— Ага, напугала, — кивнул я и краем глаза заметил мелькнувшие белоснежные кроссовки, а еще почувствовал аромат «Бельен», смешивающийся с холодным воздухом кондиционера.

Понял.

Восклицательный знак вновь всплыл над ее головой.

— Пришел за диском? Зука говорил, что выходит что-то новое.

Я представил его улыбку.

— Да. А ч-что насчет тебя? Чего вдруг проделала весь путь от восточной стороны?

— Ох, ну...

— Решила встретиться с... К-Куродой-сан? Или... с Зукой?

Слова вылетели до того, как я отдернул себя. Обычно я не задавал столь назойливых вопросов — не хватало смелости. Но так хотелось знать правду о «сверхсекретной» информации Куроды-сан, пусть мне и может быть больно.

Теперь вопросительный и восклицательный знаки слились воедино. Вопрос ее не озадачил, она просто думала над ответом.

— Э-э-э, как бы... ну... Давай-ка сначала хотя бы внутрь зайдем! Мы так весь холод выпустим.

Она очевидным образом пыталась сменить тему, но ее выражение лица совпадало с пунктуацией, а неуверенность во взгляде читалась слишком явно. Она не умела врать. В глазах плескался трепет — смесь страха и волнения, что ее подловят.

Я сделал пять шагов вперед и услышал, как позади закрылись автоматические двери. По выходным магазин был заполнен народом. По наитию мы двинулись к самому безлюдному месту — углу у входа, рядом с автоматами по продаже игрушек-капсул. Уголок выходил несколько тесноватым, и мое сердце пустилось в пляс от излишней близости. Мики-сан не проронила ни слова, и я испугался: вдруг она услышит мое стучащее сердце.

Это шанс. Бессонница, напряженная обстановка и, наверное, куча еще разного смешались вместе и — верите или нет — я правда решился. Первым делом, если говорить с позиции рестлера, я бросил ее за канаты ринга.

— М-Мики-сан...

— Что такое?

Над ее головой появился вопросительный знак.

— Что... с тобой... происходит... в последнее время?

Вопросительный знак сменился восклицательным. Она удивлена? Или, может, это еще и небольшой намек на радость? Если так... тогда, возможно, мне нечего бояться. Быть может, стоит высказать все, что у меня на уме. Может, остальные уже давно все выяснили, а я один ничего не знал.

— Скажи...

— Да?

— Ты пользуешься другим шампунем, да?

Над головой взорвался гигантский восклицательный знак. Широко распахнутые глаза уставились на меня, на лице читалось удовольствие. Но я ни секундой больше не мог смотреть на нее: слишком испугался того, что написано на моем лице.

К сожалению, Мики-сан из тех людей, что соберет все мои планы, а затем выбросит в открытый космос. Но, к счастью, сегодня она была более великодушной. Схватила за плечи и в упор уставилась на меня. Я оцепенел и глядел на нее подобно оленю, освещенному светом фар грузовика.

Ее щеки слегка покрылись румянцем. От волнения? А мое лицо, наверное, походило на огромный спелый томат. Ее длинные ресницы хлопали в считанных сантиметрах от меня.

— Ну? — требовательно произнесла она.

— Чего?..

— Что-нибудь еще не хочешь добавить?

Еще что-нибудь? Что, например?

То есть... Об одном я знаю наверняка. В обычной жизни ни за что об этом бы не сказал, но... если второго шанса мне не представится, тогда, может... я мог бы позволить...

Мики-сан тем временем терпеливо ждала мое «что-нибудь». Над ее головой мелькали знаки спокойствия. А затем что-то внутри меня оборвалось. Точно война на истощение, сначала успешная, а затем проигрышная.

Мне всего лишь нужно сказать несколько слов. «Мики-сан, ты мне...»

— Ми... Ми... Ми...

— Да?

— Ми... Миязато-то вроде пользуется тем же шампунем, да?

То-то и оно. Конечно, не наберусь я столько храбрости. Жалкий.

Словами не передать, как сильно я был разочарован в себе в этот миг. Но, к сожалению, я сделал неправильный выбор и обхватил руками голову в поражении... ведь в следующую секунду плечо Мики-сан врезалось мне в подбородок.

Я отшатнулся, перед глазами поплыл потолок, а рядом возник полный спектр аромата «Бельен» — это Мики-сан обхватила меня руками. Тело содрогнулось.

— М-Мики-сан! Мы же в магази...

Но она отказывалась отпустить.

— СПАСИБО ТЕБЕ ОГРОМНОЕ! — прокричала она в ухо.

Э... за что?

— Спасибо тебе, спасибо, спасибо! Как я боялась, что не хватит времени!

— Прости, чего?..

Только сейчас она расцепила руки вокруг моей шеи. Но на ее лице не отразилось ни тени смущения — нет, глаза едва ли не пылали от ликования.

— Теперь Миязато-чан может вернуться в школу!

— М-Миязато-сан?..

Голос хрипел и дрожал от тепла ее тела.

— Ага! Понимаешь, у нас был уговор. Если точно выясню, что ты ее не ненавидишь, то она

вернется в школу! Боже, какое облегчение. Я думала, может, у тебя нос забит, поэтому ты ничего не чувствуешь, так что я постоянно, как бы невзначай, спрашивала про здоровье. Или все-таки вышло не «невзначай»?

— Постой, ч-что? З-зачем мне ненавидеть Миязато-сан?

— Это бы мне самой узнать не помешало!

Теперь она взирала на меня острым взглядом. Такая дикая, такая непредсказуемая, я не мог за ней поспеть. Конечно, над ее головой висели знаки, да только мне не разобрать эти сумасшедшие перемены настроения.

— Помнишь, ты как-то похвалил шампунь Миязато-чан? Почему после этого дистанцировался?

Она сделала шаг вперед, я в ответ попятился.

— Мне нужны все подробности, мистер! Ха-ха!

Я прижался спиной к стене, а пронзительный смех Мики-сан пугал до чертиков.

□

В апреле Миязато-сан все еще сидела по соседству...

Мы проучились с ней год в одном классе и установили хорошие отношения. Она та еще тихоня — как-то раз я обронил ластик, и она боялась сказать мне об этом целых десять минут. Но Миязато-сан всегда отвечала, когда я заговаривал с ней. Мы тесно контактировали друг с другом в лингафонном кабинете из-за совместного монитора, и я подумал, что неловкость слегка спадет, если узнаю о ней побольше. Так я стал частенько заводить будничные разговоры.

Однажды мне в глаза бросилась вычищенная обувь — настолько чистая и белая, словно только из магазина. Она рассказала, что уже несколько лет тщательно следит за ней. В тот день я выяснил следующее: она очень сдержанная, а ее единственное хобби — чистка вещей. А еще после моей похвалы над ней вспыхнул восклицательный знак и она поблагодарила меня тонюсеньким голоском.

Вот такими были наши дружеские отношения. Мне показалось, что мы понимали друг друга, и потому я... случайно пересек черту.

□

Лингафонный кабинет. Мы, как обычно, сидим за одним столом и смотрим в монитор. Мне все еще было неловко от этой близости, но каким-то чудом я умудрился привыкнуть. Учитель вышел из класса, и все принялись болтать. Тогда-то я почуял знакомый аромат и без задней мысли спросил:

— Моешь волосы шампунем «Бельен»?

Над головой Миязато-сан тут же появился огромный восклицательный знак. Но я ошибочно принял его за волнение.

— Помню, в средней школе он пользовался особой популярностью. Мне нравился тот аромат.

Я лишь пытался поддержать разговор, но реакция Миязато-сан совершенно отличалась от обычной.

Над ее головой мелькали символы колебания, досады, замешательства и паники. Я оказался сбит с толку. В конце концов она заплакала и резко отвернулась от меня.

Как же я сожалел, что пересек черту, и с тех пор всегда следил за собой и не отпускал личные комментарии. Проявлял ту же сдержанность, что и она со мной, и осторожно подбирал слова. С того времени общаться мы стали реже, пока вовсе не перестали. Наступила золотая неделя, а после нее Миязато-сан в школу так и не вернулась.

□

Теперь вы понимаете, что для меня значит шампунь. Из-за этого я подметил тот же запах у Мики-сан. Но с того дня как обидел Миязато-сан, я пообещал больше никогда в жизни не комментировать, каким шампунем пользуется девушка.

— Ха-ха! Теперь мне все-е-е-е-е ясно.

Мы не хотели устраивать сцену в магазине и переместились в угол парковки. Там Мики-сан не сводила с меня глаз, пока я объяснял историю со своей стороны — опустив описание пунктуаций, конечно.

— Вы такие лапочки, — задумчиво произнесла она, хотя я не понимал причину такого заключения. — Слишком много думаете о чувствах остальных! Не устану повторять: иногда не нужно так глубоко задумываться. Будь как я или Психичка! Ох, но если каждый будет вести себя, как мы, мир уже не покажется таким сложным... Наверное, и вовсе перестанет функционировать, да? Ха-ха!

— Ладно, но все же... как так получилось, что мне требовалось почуять твой шампунь, чтобы Миязато-сан вернулась в школу?..

Лицо Мики-сан загорелось. Во взгляде и пунктуации явно читалось: «Та-ак, мой черед!»

— Видишь ли, я никогда особо не дружила с ней.

Может, она ожидала, что это будет огромным откровением, но меня ее слова совсем не удивили. Когда проводишь сорок часов в неделю в одном кабинете, подобное становится очевидным, нравится тебе это или нет. Следует отметить, что они не относились друг к другу с неприязнью. Люди просто такие существа — ты тянешься к похожим на себя и не испытываешь потребность говорить с кем-то вне этого круга. Я обычно не заводил беседы с Мики-сан, а нынешний разговор был скорее исключением из правил, как и в случае с Зукой. Так что я нисколько не удивился этому «откровению».

— Но недавно я узнала ее получше.

Для меня и это не стало новостью. Как же еще Мики-сан прознала обо мне? Должно быть, услышала от Миязато-сан.

— Кажется, месяц назад... я возвращалась домой от Психички и вдруг пошел дождь, а у меня не было зонтика. Так вот, я в панике побежала по улице и заметила, что Миязато-сан снимала во дворе белье с веревки после стирки. У нее бы ушла уйма времени, я подбежала и помогла. Но моя форма промокла насквозь, а потом то одно, то другое — так я провела целую ночь у нее дома.

Я мог лишь представить конфликты и перепалки, о которых Мики-сан решила промолчать в своей версии. Благослови твою душу, Миязато-сан.

— Сперва было неловко, но ты понимаешь, я как увижу крепкий орешек, так бегу его раскалывать. Я завела милую беседу, пока она наконец-то не открылась. И знаешь, что она ответила, когда я спросила о пропусках?

— Ч-что же?

— Сказала, что она тебе разонравилась и поэтому не вернется вплоть до следующей рассадки! Боже, мне так хотелось разыскать твой дом и повесить тебя на веревке для белья!

Я представил Миязато-сан, которая все это сказала, и Мики-сан, бегущую ко мне с тянущимися к шее руками. Мозг закипел.

— Слушай, это не моя вина! Я думал, она ненавидит меня!

— Ага, как я и сказала, вам обоим нужно перестать так сильно переживать за других людей! Миязато-чан говорила, что ты странно посмотрел на нее, когда всплыла тема ее нового шампуня. Ей показалось, что ты посмеялся.

— Ч-чего? Нет, ничего подобного!

— Да, я поняла. Но почему-то именно эта мысль отложились у нее голове.

А ведь точно. Обычные люди не видели знаки и не могли узнать, о чем думали другие. Почему я никогда даже не пытался взглянуть на ситуацию с ее стороны?

Блин, вот я идиот.

— Брось, не грусти! Ну же, улыбнись! Выходит, ты не знаешь, почему Миязато-чан решила, что ты над ней насмехаешься?

Я покачал головой. Честно говоря, была у меня одна причина, но ее поймет лишь кто-то вроде меня или Миязато-сан. Не в обиду Мики-сан или Зуке — просто мы такие.

— Проклятье.

Как и я, Миязато-сан, скорее всего, смутилась. Наверное, подумала, что ее поймали за подражанием крутых ребят, потому и посчитала, будто я измываюсь. Причиной ее застенчивости была не только природная неразговорчивость, но еще и неуверенность в себе. Когда я стал внимательно следить за словами, она восприняла это так, будто я отстранился от нее.

— Как бы то ни было, я придумала способ подтвердить, что ты вовсе не ненавидишь ее. Но когда я предложила, Миязато-чан почему-то была уверена, что ты никогда мне не признаешься.

Мое лицо покраснело и вот-вот было готово взорваться. Я припомнил одно хайку*, выученное вместе с Мики-сан на ее любимом предмете:

Я клянусь себе.

Никто не заметит мою любовь.

Но потом замечают.

□

[П/П: традиционная японская лирическая поэзия. Рифмы нет, никаких излишеств, максимально коротко, но передается много смысла]

□

— И я подумала: «Как же мне тогда узнать?!» Мне-то известно, что ты не ненавидишь ее, а просто невинно прокомментировал шампунь. Поэтому я решила воспользоваться им, как подсказкой!

Она провела рукой по волосам.

— Постой, ты вроде хотела повесить меня.

— Забудь про это! Я к тому, что если бы ты ее действительно возненавидел, то не стал бы ничего говорить, ведь так?

«Не уверен», — подумал я, но затем понял: Мики-сан не из тех, кто будет сквернословить. Если у нее возникла проблема с кем-либо, она просто пойдет и с наскока ее решит.

— И вот я использовала тот же шампунь, чтобы вытянуть тебя на разговор о Миязато-чан. И получилось, а значит, я победила.

— Э-это же не игра, в самом деле! Почему просто не попросила Зуку рассказать мне?

— С чего бы? Нет! Миязато-чан просила не болтать об этом! Кроме того, Зука все растрепал бы тебе при первой возможности, вы ведь одного сапога пара... Эм, но это вовсе не означает, что я терпеть тебя не могу!

Я оценил дружескую оговорку, но вспоминая слова Психички, так и хотелось воскликнуть: «Чего?!»

— Так что вот, я не могла говорить с тобой напрямую, потому ждала, пока вы с Зукой соберетесь вместе. Но всякий раз на мои намеки он изворачивался и напрочь убивал весь разговор секундой позже!

То есть это были, по-твоему, «намеки»? Впечатляет. Судя по всему, даже Мики-сан не хватало смелости заговорить один на один со своим объектом любви.

Стоп, чего?

— Я старалась воссоздать ту же ситуацию, в которой оказалась Миязато-чан, но ты вообще ничего не замечал! Однажды почти потеряла терпение — тогда, в библиотеке — но все равно стояла на своем. Помнишь? Я никогда не говорю прямо!

Так вот о чем она... Значит, ее «прогонишь вообще всех девушек» на самом деле...

— Буду честна, я никогда не умела давать намеки. Поэтому решила обратиться к Психичке с вопросом: «Как бы мне намекнуть про чувства одному человеку?»

А?..

— Что? Погоди. Получается, когда она сказала про «интерес», это не было в романтическом смысле?..

— Когда и кто это сказал?

Я умолк. На мою удачу, разочарование и облегчение, поднимающиеся из глубин живота, не успели вывалиться наружу.

Теперь я понял. Должен был понять с самого начала. Хорошо еще, что не выставил себя полным придурком и не пригласил ее куда-нибудь. Конечно, где-то в глубине я все еще чувствовал себя опустошенным... но одновременно с этим словно гора с плеч свалилась.

— Хочешь сказать... Психичка не успела же разболтать обо всем? Ух, убью ее!

Недопонимание вышло настолько бредовым, что я не удержался и рассмеялся. Когда гнев Мики-сан испарился, над ее головой всплыл восклицательный знак.

— Ладненько! Давай отведу тебя домой к Миязато-чан!

— Давай... Стой, что? Прямо сейчас?!

Надо мной смешались восклицательный и вопросительный знаки. Мики-сан же посмотрела на меня с вопросительным знаком.

— Ну да, прямо сейчас. Она занималась со мной перед промежуточными, так что я решила сходить сюда и прикупить журнал в знак благодарности. Говорю тебе, мой великолепный результат по математике — ее заслуга! На тесте попались все вопросы, которые мы просмотрели! К тому же ты ведь не сильно сейчас занят, не так ли?.. Ох, ты же пришел за диском. Хорошо, иди покупай, а я подожду.

Да она издевается. Но спорить с ней я не мог, потому сдался. Покупка должна занять всего минут пять, а она провожала меня и махала рукой на прощание с широкой улыбкой.

— Как я рада, что Миязато-чан теперь снова может повеселиться вместе с нами в школе!

Над ее головой появился огромных размеров восклицательный знак. Она не врала, не шутила и

не пыталась отделаться вежливыми фразами. Каждое ее слово было искренним.

Мики-сан странная и сумасшедшая, иногда вселяла надежду в недопонимание... но я гордился, что влюбился именно в нее.

□

Тем не менее уже на следующий день меня замучила бессонница и депрессия.

— Что с тобой? Завтрак пропустил? Хочешь, поделюсь?

Я тупо смотрел в пустоту, пока рядом не подсел Зука и не предложил печенье из пакета.

— Нет, не надо. Но просто чтобы ты знал, тебе нельзя здесь сидеть.

— С чего бы?

Однако прежде чем я смог ответить, по классу пробежались шепотки.

— Угадайте, кто вернулся? Миязато-чан! — громко провозгласила Мики-сан, войдя в класс.

Миязато-сан стояла позади, и ей, кажется, было очень-очень-очень неловко... но по пунктуации я точно могу сказать: она не была расстроена.

До сегодняшнего дня из-за подобных речей она бы скорее убежала в горы, но сейчас выдержала. Почему? Ей понравилась Мики-сан. Я это понимал. Люди вроде меня или Миязато-сан всю жизнь волнуются о том, что чувствуют другие, потому мы признаем тех, кто обладает способностью закрывать глаза на всякие мелочи. Микки походила на Солнце и Ветер одновременно: ей хватало секунды, чтобы развеять печаль и страх путника.

Я заметил, как Зука смотрел на девушек с неподдельным удовольствием, что также соответствовало его пунктуации. Затем он обернулся и проговорил:

— Держу пари, теперь тебе лучше, да?

Ох, Зука, ты настоящий святой.

Оно и понятно. Конечно, понятно. Но это не означает, что я готов просто принять нынешнее положение. И поэтому мое настроение вновь испортилось.

□

Когда мы вчера посетили дом Миязато-сан, она сидела в оцепенении, пока Мики-сан объясняла, что к чему. Мы по очереди извинились и вроде бы вновь стали друзьями. Мики-сан по неизвестной причине решила дать ей прозвище.

— Каким оно должно быть? У меня такое чувство, будто здесь вообще любое подойдет, но... Меня называют Микки не из-за схожести с Мики. Как-то раз Зука сказал, что мой смех напоминает ему мышонка из мультика.

— Вот откуда... — поразилась Миязато-сан.

— Так я придумала прозвище Зука. Знаешь, он такой высокий, красивый и вообще... Но в средней школе его можно было принять за девчонку. И я тогда сказала: «Спорим, ты мог бы стать первым парнем в составе Такарадзука Ревю?» С тех пор его имя сокращается до Зука. Когда кто-то знакомится с ним, постоянно лезут с вопросом: «Как из Такасаки Хирофуми получилось Зука?» Ха-ха!

□

[П/П: Такарадзука Ревю — театр с труппой, состоящей исключительно из женщин.]

□

Как обычно, смех ее отдавал гнусавостью... и благодаря ей засмеялся я сам. Я был на седьмом небе от счастья, что наконец подружился с Мики-сан и Миязато-сан.

— Вы с Зукой очень близки, да?

— Все эти годы мы ходим в один клуб. У меня такое чувство, что уже не смогу его покинуть.

Только после этой фразы Миязато-сан нанесла последний удар своим тихим, смиренным, хрупким голосом:

— Так вы не встречаетесь? Я думала, что уже давно.

Обычная Мики-сан немедленно бы запротестовала как сумасшедшая, начав злобную кампанию против Зуки. Но сейчас ее лицо покраснело, а взгляд уперся в пол.

— Ага, вроде того, — выдохнула она.

Мне не нужно смотреть на пунктуацию, чтобы понять ее слова. Но вслух, конечно, я сказать не мог.

Вдруг Миязато-сан коснулась моего колена, и я вздрогнул. Она зачем-то слегка победоносно вскинула кулак. В тот миг у меня мелькнула лишь одна мысль: «Неужели все друзья Мики-сан становятся чужаками?»

□

В любом случае возвращаемся из дня вчерашнего в сегодняшний. Зука встал с места. Миязато-сан проскользнула мимо Мики-сан, пока та устраивала сцену, и робко прошла в нашу сторону. Увидев меня, ее губы сложились в улыбке.

Не поймите неправильно, подавленное настроение никуда не делось. Но достаточно просто посмотреть ей в лицо и увидеть пунктуацию, как... хм, я бы не позабыл сразу о Мики-сан, но... был искренне благодарен за появление Миязато-сан.

— Доброе утро, Озука-кун.

Ее тихий голос принес с собой слабый оттенок «Бельен».

<http://tl.rulate.ru/book/64393/1703364>